

ПРОРОГАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В международном экономическом сотрудничестве большое распространение имеют соглашения об изменении общей подсудности спора, именуемые пророгационными соглашениями. В связи с предстоящим принятием нового Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации представляется необходимым рассмотреть их юридическую природу и свойства.

Пророгационные соглашения – это соглашения сторон, которые не изымают спор из ведения государственных судов (в отличие от арбитражного соглашения), а лишь изменяют подсудность спора, насколько это допускается процессуальным законодательством. Н.И. Марышева указывает: “Соглашением можно отнести дело, подсудное российскому суду, к подсудности иностранного суда или договориться о рассмотрении российским судом дела, не относящегося к компетенции российских судов. Первый случай именуется дерогацией, второй пророгацией”¹. В практике дерогационные соглашения встречаются нечасто, например, когда стороны указывают, что их споры не будут рассматриваться во французских судах. Чаще пророгационное соглашение, устанавливая *forum prorogatum*, исключает подсудность суда, определенного по общим правилам подсудности. В этом случае следует признать, что пророгационное соглашение имеет дерогационный эффект². В дальнейшем мы будем использовать термин “пророгационное соглашение” именно в таком смысле, а также

будем использовать термины “юрисдикционное соглашение” или “соглашение о подсудности”, не разграничивая их без необходимости на дерогационные и пророгационные.

Пророгационные соглашения необходимо отличать от арбитражных соглашений. С.Н. Лебедев указывает, что “едва ли будет правильно соглашение сторон об арбитражном (в терминологии российского законодательства – “третейском”. – *Р.Х.*) разрешении споров рассматривать как обычное соглашение, например как пророгационное соглашение. Если пророгационное соглашение имеет в виду избрать тот или иной из существующих государственных судов, при арбитражном соглашении предполагается образование нового суда, суда третейского – совершенно отличного по своей природе от государственных судебных органов”³. Именно потому, что арбитражные соглашения изымают спор из ведения государственных судов, они имеют отличную природу от пророгационных соглашений, которые лишь изменяют подсудность спора определенному государственному суду.

В гражданско-процессуальном аспекте арбитражные и пророгационные соглашения имеют одинаковый “дерогационный”, или “негативный”, эффект – изъятие конкретного спора из подсудности государственного суда, определенного в соответствии с общими правилами подсудности. Однако “пророгационный”, или “позитивный”, эффект у этих соглашений различен: у арбитражного соглашения – это возбуждение деятельности по рассмотрению гражданско-правовых споров в третейском суде⁴,

¹ Международное частное право: Учеб. для вузов / Под ред. Н.И. Марышевой. М.: Юрид. фирма “Контракт”, Инфра-М. С. 465.

² См.: Лебедев С.Н. Признание пророгационных условий сделок в международной торговле // Советский ежегодник международного права. 1963. М.: Наука, 1965. С. 423.

³ Лебедев С.Н. Международный торговый арбитраж. М.: Междунар. отношения, 1965. С. 31.

⁴ См.: Минаков А.И. Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М.: Юрид. лит., 1985. С. 12.

а у пророгационного – подчинение споров контрагентов юрисдикции определенного государственного суда⁵.

О правовой природе пророгационных соглашений были высказаны следующие мнения.

1. Пророгационное соглашение есть материально-правовой договор, потому что заключается вне судебной процедуры, зачастую даже за пределами государства суда, к компетенции которого оно относит спор. Указывается также, что для пророгационного соглашения, как и для любого гражданско-правового договора, требуется совпадение воли сторон, его заключивших⁶. Вряд ли можно согласиться с этой точкой зрения лишь на том основании, что это соглашение заключается вне судебной процедуры и за пределами государства суда. Ведь допустимость и действительность пророгационного соглашения в конечном итоге определяется процессуальным законодательством страны суда, а материальное право применяется лишь субсидиарно.

2. Пророгационное соглашение представляет собой процессуальный договор. Институт подсудности гражданских споров в отечественном праве всегда признавался составным элементом гражданского процесса, а договорная подсудность рассматривалась как часть института подсудности. Подчеркивается также отличие пророгационного соглашения от гражданско-правового договора – пророгационное соглашение не может выступать как самостоятельный юридический факт, с которым связывается возникновение правоотношений. Это соглашение выступает как часть юридического состава, обязательным элементом которого является и волеизъявление

⁵ См.: *Лебедев С.Н.* Признание пророгационных условий сделок в международной торговле // Советский ежегодник международного права. 1963. М.: Наука, 1965. С. 422–423.

⁶ См.: *Matscher F.* Zuständigkeitsvereinbarungen im österreichischen und internationalen Zivilprozessrecht. Wien, 1967. S. 20–21.

суда⁷. Критики указанной точки зрения обращают внимание на то, что если признать пророгационное соглашение процессуальным по своей природе, то для его заключения потребуются процессуальная дееспособность или действительная процессуальная доверенность, что отвергается практикой. Более того, пророгационное соглашение, как правило, заключается в предпроцессуальной сфере как часть материально-правового договора⁸.

3. Пророгационное соглашение обладает рядом свойств материального и процессуального характера и однозначно не может быть отнесено ни к процессуальным соглашениям, ни к материально-правовым договорам. Оно является институтом *suī generis*. Так, очевидно, что на пророгационное соглашение будут распространяться положения договорного права о совпадении воли сторон, о моменте заключения договора. В то же время допустимость и действие такого договора будут определяться процессуальным правом. Как указывает профессор Х. Шак, "для материально-правовой стороны действует право, свойственное договору (*lex causae*), а для процессуальной – закон места судебного разбирательства (*lex fori*)"⁹. Следует признать, что точка зрения о комплексной природе пророгационного соглашения сегодня наиболее полно отвечает действующему законодательству и правоприменительной практике.

Статьи 30 и 212 АПК РФ допускают возможность изменения лишь территориальной и альтернативной подсудности по соглашению сторон, но не на-

⁷ См.: *Хейфец Б.С.* Подсудность споров, связанных с морской перевозкой грузов. М.: Транспорт, 1976. С. 29–31; *Лукасян Р.Б.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволжское кни. изд-во, 1970. С. 131.

⁸ См.: *Шак Х.* Международное гражданское процессуальное право: Учеб.: Пер. с нем. М.: БЕК, 2001. С. 208.

⁹ Там же.

деляют стороны соглашением и исключительность. Не может быть исключительности. В связи с этим исключительность в соответствии с международным правом, а также международным правом уважения, невмешательства, органов правосудия (п. 3 ч. 1 ст. 108 Конституции РФ), исключительной компетенции юстиции. Отрицательный вывод при поступлении к нему при приеме следует просить о том, не является ли присутствующий элемент, в определенном

Отдельно волеизъявления в соглашениях референдумного АПК РФ предусматривается к компетенции Российской Федерации споров путем заключения соглашения суды не обладают компетенцией в соответствии с проектом АПК РФ регулировать волеизъявления пророгационные 307 указы суды Российской Федерации патентные расследования споры, которые возникнуть в связи с приемателем

¹⁰ См.: Комментарий к процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Ф. Яковлева. М.: Юристъ, 2002. С. 108.

¹¹ См. проект постановления Государственного Собрания Иркутской области

деляют стороны правом изменять своим соглашением исключительную подсудность. Не может быть изменена по соглашению сторон и родовая подсудность. В связи с невозможностью изменить исключительную подсудность, в соответствии с российским законодательством, а также по соображениям международной вежливости, взаимного уважения, невмешательства российские органы правосудия обязаны возвращать (п. 3 ч. 1 ст. 108 АПК РФ) исковые заявления по делам, отнесенным к исключительной компетенции зарубежных органов юстиции. Отсюда конкретный практический вывод для российских судов: при поступлении заявления с прилагаемым к нему пророгационным соглашением следует поставить и выяснить вопрос о том, не отнесено ли данное дело, где присутствует какой-либо иностранный элемент, к абсолютному ведению определенного суда иного государства¹⁰.

Отдельно вопрос о пророгационных соглашениях регулируется в проекте нового АПК РФ¹¹. Статья 307 проекта предусматривает возможность отнесения к компетенции арбитражных судов Российской Федерации экономических споров путем заключения пророгационного соглашения, если иностранные суды не обладают исключительной компетенцией в отношении этого спора. Проект АПК РФ впервые пытается урегулировать вопрос о моменте заключения пророгационного соглашения. В статье 307 указывается, что арбитражные суды Российской Федерации будут компетентны рассматривать экономические споры, которые возникли или могут возникнуть в связи с осуществлением предпринимательской деятельности сторона-

ми. Таким образом, проект позволяет заключать пророгационные соглашения как в отношении уже возникших споров (в законодательстве о третейских судах такое соглашение именуется "третейской записью" или "компромиссом"), так и в отношении споров, которые могут возникнуть в будущем. Условия о подсудности, включенные в текст основного договора, принято именовать "юрисдикционными оговорками"¹².

Изменение исключительной подсудности будет рассматриваться как основание к признанию пророгационного соглашения недействительным. В этом случае дело должно рассматриваться судом, определенным в соответствии с правилами исключительной подсудности.

Между тем проект АПК РФ оставляет открытым вопрос, связанный с пророгационными соглашениями, а именно: будет ли действительным пророгационное соглашение, предусматривающее судебное разбирательство в третьей стране? Представляется, что вопрос о допустимости судебного разбирательства в третьей стране должен решаться положительно. Х. Шак указывает: "Чтобы не толкать стороны в третейскую подсудность, следует поддерживать избрание ими нейтрального места рассмотрения спора, в особенности в стране, обладающей высокоразвитой правовой культурой. Так, нередко договариваются о подсудности спора швейцарским судам или споров по морскому праву суду (High court) в Лондоне"¹³.

Не совсем понятно пока, как отнесется практика к содержанию пророгационных соглашений. В литературе по международному гражданскому процессу встречаются указания, что соглашение о подсудности состоит из двух элементов – дерогации (отказа от подсудности, установленной законом) и пророгации (выбора другой подсудности)¹⁴.

¹⁰ См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. / Под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова. М., 1997. (Авт. коммент. к статье – В.К. Пучинский.)

¹¹ См. проект АПК РФ, внесенный на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, в электронной базе данных СПС "Гарант".

¹² См.: Хейфец Б.С. Указ. соч. С. 28.

¹³ Шак Х. Указ. соч. С. 212–213.

¹⁴ Там же. С. 208–209.

Судебная практика разных стран идет в двух основных направлениях. Одни для признания пророгационного соглашения действительным требуют указания в нем не только на *forum prorogatum*, но и на суд, компетенция которого дерогируется настоящим соглашением. Другие страны признают достаточным лишь указание на пророгированный суд. Как нам представляется, нет необходимости вводить дополнительное условие действительности юрисдикционных соглашений. Достаточно указать на пророгированный суд, что одновременно должно толковаться как дерогация суда, определяемого в соответствии с общими принципами подсудности.

Не решенным с достаточной степенью определенности в проекте АПК РФ является вопрос о признании пророгационных соглашений, отсылающих не к конкретному российскому суду, а к правовой системе в целом, например такая оговорка: "Споры и разногласия сторон по настоящему контракту рассматриваются в судах Российской Федерации". В большинстве зарубежных стран такие оговорки признаются действительными, и в этом случае компетентный суд определяется в соответствии с общими принципами подсудности. Однако законодательство некоторых стран, например Франции, требует указания на конкретный суд, в противном случае такие соглашения не признаются¹⁵. Схожую позицию занимают швейцарские суды, с той лишь разницей, что допускается определение суда не только указанием его полного наименования, но и указанием на место разбирательства, например: "суд по месту жительства стороны"¹⁶. Из буквального толкования статьи 307 проекта АПК РФ можно сделать вывод: арбитражные суды будут обла-

дать исключительной компетенцией в случае, если стороны достигли соглашения о том, что арбитражные суды обладают компетенцией рассматривать спор. То есть формально не содержится запрета на признание пророгационных соглашений с указанием на судебную систему Российской Федерации. Термин "исключительная подсудность", использованный в статье 307 проекта, скорее всего, имеет иное значение, нежели то, которое вкладывается в этот термин в российском процессуальном праве. Под ним понимается исключительная компетенция всех российских судов, а не конкретного суда, определенного в соответствии с АПК РФ. Этот термин означает лишь то, что стороны не могут обратиться в суд другой страны, коль скоро пророгационное соглашение предусматривает рассмотрение дела в судах Российской Федерации. В этом же значении используется термин "исключительная подсудность" в статье 17 Конвенции о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам (заключена в Лугано 16 сентября 1988 г.)¹⁷. (Необходимо отметить, что в связи с отсутствием официального перевода в литературе встречаются также следующие переводы названий Луганской конвенции: "О подсудности и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам"¹⁸, "О юрисдикции и исполнении (иностранных) судебных решений по гражданским и торговым делам"¹⁹.) Таким образом, в случае заключения пророгационного соглашения о рассмотрении спора российскими судами, без указания на конкретный суд, подведомственность спора

¹⁷ См.: Прилож. к "Вестнику ВАС РФ" № 10 за 2000 год, с. 36. (Российская Федерация в Конвенции не участвует.)

¹⁸ См.: Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 243.

¹⁹ См.: Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Междунар. отношения, 2001. С. 50.

¹⁵ См.: Хейфец Б.С. Указ. соч. С. 68.

¹⁶ См.: Елисеев Н.Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран: источники, судоустройство, подсудность: Учеб. пособие. М.: Статут, 2000. С. 152.

суду или арбитражному суду будет определяться общими правилами подсудности.

АВТОНОМНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОРОГАЦИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ

Из-за небольшого объема настоящего исследования не представляется возможным дать исчерпывающий анализ характеристик (свойств) пророгационного соглашения, и мы ограничимся лишь одним из них – свойством автономности, которое по отношению к пророгационным соглашениям не получило достаточной разработки в отечественной литературе.

Несмотря на различную правовую природу, арбитражные и пророгационные соглашения, по мнению автора, обладают одной общей характеристикой – автономным характером соглашения.

Принцип автономности арбитражной оговорки получил широкое распространение в науке. В современной литературе по международному частному праву прямо указывают на автономный характер арбитражной оговорки²⁰. Как указывает С.Н. Лебедев, “проблема автономности в собственном смысле этого слова – это проблема соотношения договора и относящегося к нему арбитражного соглашения, которая может возникать в двух ракурсах: влияет ли недействительность, с одной стороны, договора на арбитражное соглашение и, с другой

стороны, арбитражного соглашения на договор”²¹. В настоящее время этот аспект получил прямое законодательное закрепление на международном уровне – в Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ (одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 15 декабря 1976 г.), в соответствии с пунктом 2 статьи 21 которого “арбитражная оговорка, являющаяся частью договора и предусматривающая разбирательство в соответствии с настоящим регламентом, должна рассматриваться как соглашение, не зависящее от других условий договора. Признание арбитражным судом ничтожности договора не влечет за собой автоматической недействительности арбитражной оговорки”. Аналогичные правила содержатся в пункте 5 Регламента Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

Указанный подход значительно облегчает развитие гражданского оборота. В настоящее время в России недействительность договора часто используется недобросовестными контрагентами, чтобы избежать ответственности по договору, а иногда и судебного разбирательства. Но почему же стороны, инкорпорировав в контракт условие об арбитражном разбирательстве споров, при недействительности контракта не могут сослаться на недействительность арбитражной оговорки? Как отмечается в современной литературе по арбитражу, “...следует признать, что и, вступая в сделку, содержащую арбитражную оговорку, стороны в действительности заключают не один, а два договора: основной договор (купли-продажи, перевозки, и т.д.) и договор о передаче споров на разрешение третейского суда”²².

Доказательства автономного характера арбитражной оговорки давно разрешены в практике Внешнеторговой ар-

²⁰ См.: Минаков А.И. Арбитражные соглашения и практика рассмотрения внешнеэкономических споров. М.: Юрид. лит., 1985. С. 68–74; Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. М., 1988; Международное частное право: Учеб. / Под ред. проф. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2001. С. 609–610; Звеков В.П. Международное частное право: Курс лекций. М.: НОРМА, 2000. С. 475; Лунц Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права: Т. 3. Международный гражданский процесс. М.: Юрид. лит., 1976. С. 239; Международное частное право: Учеб. для вузов / Под ред. Н.И. Марышевой. М.: Юрид. фирма “Контракт”, Инфра-М, 2000. С. 506, и др.

²¹ Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. М., 1988. С. 43.

²² Там же. С. 86.

битражной комиссии и ныне действующего Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и излагаются следующим образом: самостоятельный предмет арбитражного соглашения; его "процессуальное содержание"; возможность несовпадения требований, предъявляемых к действительности такого соглашения и контракта купли-продажи, как двух различных по своей природе договоров²³. Кроме того, выдвигается еще одно основание автономности арбитражного соглашения – его самостоятельная коллизионная привязка. Если сам контракт регулируется *lex causae* (право, свойственное данному договору), то арбитражное соглашение и его действительность будут обсуждаться по *lex arbitri* – закону страны места проведения арбитража²⁴.

Теперь нам необходимо обратиться к вопросу о том, обладает ли автономным характером пророгационное соглашение. В отличие от арбитражного соглашения вопрос об автономности пророгационного соглашения не получил достаточной разработки в науке²⁵. Будет ли это соглашение действовать в случае, если контракт, в который оно инкорпорировано, признан недействительным? Вопрос этот имеет и практическое значение. Так, в одном из дел, рассмотренных по пророгационному соглашению арбитражным судом на территории Российской Федерации, был удовлетворен иск российского предприятия к узбек-

скому государственному предприятию. После вступления решения в законную силу истец обратился в Хозяйственный суд города Ташкента (Республика Узбекистан) с ходатайством о приведении в исполнение решения на основании Киевского соглашения стран СНГ от 20 марта 1992 г. "О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности"²⁶. В приведении в исполнение решения было отказано со ссылкой на пункт "в" статьи 9 указанного Соглашения, так как суд счел ничтожным договор между сторонами и содержащаяся в нем оговорка о подсудности дела российскому арбитражному суду также была признана ничтожной, – следовательно, указал суд, дело было рассмотрено некомпетентным судом, что является основанием для отказа в приведении решения в исполнение.

В российском процессуальном законодательстве вопрос об автономном характере юрисдикционных соглашений не получил специальной регламентации.

Подсудность дел с иностранным элементом определяется статьей 212 АПК РФ, которая именуется "Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц". В комментарии указывается, что термин "компетенция" имеет в виду подсудность дел с иностранным элементом. В связи с тем, что в законодательстве различных стран нет полного тождества понятий "подведомственность" и "подсудность", в арбитражно-процессуальном законодательстве и используется термин "компетенция", который имеет большее употребление в международном частном праве²⁷.

²⁶ См.: прилож к "Вестнику ВАС РФ" № 3 за 1999 год, с. 85–89.

²⁷ См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова. М., 1997. (Авт. коммент. к статье – В.К. Пучинский.)

²³ Цит. по: Лебедев С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. М., 1988. С. 75.

²⁴ См.: Минаков А.И. Указ. соч. С. 91–95; Международное частное право: Учеб. / Под ред. проф. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2001. С. 610.

²⁵ Исключением является лишь Б.С.Хейфец, указавший, что пророгационное соглашение обладает автономностью (см.: Хейфец Б.С. Указ. соч. С. 35), однако к такому выводу он пришел вследствие неправильного отождествления пророгационных и арбитражных соглашений в данной части своей работы, а не путем логического толкования.

Проек
положен
об автов
глашени
ся целес
логическ

Если, 1
согласен
номного
глашения
картину.

1. Прор
имеет сам
измени
тернати
в то врем
контракта
и матери
объекты, 1
ются прав

2. Прор
"процессу
оно регули
ного пра
и допустим
альным п
а процессу
указывает
действи
согласени
ны, где это
но, не доля

3. Требо
пророгаци
тельности
рого оно за
ют – мы не
ционное со
по тому ос
ответствии
вы 9 ГК РФ
Для призна
рогационно
особо доказ
онное согла
воли или пс

4. Недейс
ного согла

²⁸ См.: Хейф

Проект АПК РФ также не содержит положений, позволяющих сделать вывод об автономности пророгационных соглашений. В связи с этим представляется целесообразным вывести их путем логического толкования.

Если, по аналогии с арбитражным соглашением, привести признаки автономного характера пророгационного соглашения, то мы получим следующую картину.

1. Пророгационное соглашение также имеет самостоятельный предмет – это изменение территориальной либо альтернативной подсудности спора, в то время как предметом основного контракта будут действия обязанных лиц и материальные и нематериальные объекты, по поводу которых складываются правоотношения сторон.

2. Пророгационное соглашение имеет “процессуальное содержание”, то есть оно регулируется нормами процессуального права, и его действительность и допустимость определяется не материальным правом стран контрагентов, а процессуальным правом. Причем, как указывает Б.С. Хейфец, для определения действительности пророгационного соглашения процессуальное право страны, где это соглашение было заключено, не должно учитываться²⁸.

3. Требования к действительности пророгационного соглашения и действительности контракта, в отношении которого оно заключено, не всегда совпадают – мы не можем признавать Пророгационное соглашение недействительным по тому основанию, что контракт в соответствии с нормами параграфа 2 главы 9 ГК РФ признан недействительным. Для признания недействительным пророгационного соглашения необходимо особо доказать, что именно пророгационное соглашение заключено с пороком воли или пороком субъектного состава.

4. Недействительность пророгационного соглашения не поражает недей-

ствительностью весь договор. Так, Б.С. Хейфец, сравнивая договор перевозки по коносаменту и включенную в коносамент юрисдикционную оговорку, указал: “Признание недействительности одного договора автоматически не влечет за собой признания недействительности другого”²⁹.

5. Пророгационное соглашение во внешнеэкономической сделке имеет самостоятельный статут, то есть самостоятельную коллизионную привязку³⁰. Причем указывается, что статут пророгационного соглашения, как правило, определяется по *lex causae*, однако статуты основного договора и относящегося к нему юрисдикционного соглашения могут и не совпадать³¹. Кроме того, в соответствии с обязательственным статутом соглашения определяются лишь материально-правовые вопросы – такие, как вступление этого соглашения в силу. Допустимость и действие пророгационного соглашения регулируются процессуальным правом страны суда, в котором может быть предъявлен иск, подпадающий под действие этого соглашения.

Из приведенных оснований автономного характера пророгационных соглашений последнее – о самостоятельной коллизионной привязке – не получило однозначного разрешения в науке. В частности, высказывалась точка зрения, что в соответствии с общепринятым в международном частном праве положением квалификация какого-либо явления как процессуального влечет за собой невозможность постановки коллизионного вопроса и применение закона суда³². Между тем выше было показано, что пророгационное соглашение имеет две стороны – материально-правовую и процессуальную. Процессуальное право является основным в отношении дей-

²⁹ Хейфец Б.С. Указ. соч. С. 35.

³⁰ Firsching / von Hoffman, IPR, 1995. S. 76–79; Шак Х. Указ. соч. С. 214.

³¹ Шак Х. Указ. соч. С. 208.

³² См.: Минаков А.И. Указ. соч. С. 79–80.

²⁸ См.: Хейфец Б.С. Указ. соч. С. 29.

ствительности пророгационных соглашений, однако некоторые вопросы, такие, как недействительность сделки в связи с обманом, заблуждением и т.п., процессуальным правом не регламентируются, и в этом случае подлежит субсидиарному применению материальное право.

На наш взгляд, приведенные характеристики свидетельствует об автономном характере пророгационных соглашений. Так же, как в случае с арбитражной оговоркой, стороны, заключая договор, содержащий условие об изменении подсудности споров, в действительности заключают не одно, а два соглашения, одно из которых – пророгационное. Причем в судебно-арбитражной практике необходимо учитывать, что заключение пророгационного соглашения не требует специальной формы, поэтому если основной договор требует государственной регистрации и при ее отсутствии считается недействительным, то содержащееся в нем пророгационное соглашение должно признаваться заключенным надлежащим образом. В обоснование указанной позиции можно привести следующие доводы – закон не требует государственной регистрации для пророгационных соглашений, и если стороны выразили свою волю надлежащим образом, то спор (в том числе о недействительности) должен рассматриваться судом, определенным в пророгационном соглашении.

Для единообразного применения положений об автономном характере про-

рогационных соглашений представляется необходимым законодательно урегулировать этот вопрос. Возможно, автономный характер пророгационного соглашения должен получить положительную регламентацию в гражданско-процессуальном и арбитражно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Такая регламентация может быть заключена в специальной оговорке, как в Регламенте МКАС, а именно: недействительность договора не влечет недействительности соглашения о подсудности. Позитивная регламентация автономного характера пророгационного соглашения позволит избежать действий недобросовестных контрагентов и защитит участников международного торгового оборота.

Пророгационные соглашения, признаваемые в законодательстве зарубежных стран, получают применение и на территории Российской Федерации. Российские нормы о пророгационных соглашениях и практика их применения нуждаются в дальнейшей конкретизации с целью развития международного торгового оборота. Представляется, что исследование и имплементация иностранных норм, а также исследование природы пророгационных соглашений в ближайшее время не потеряют свою актуальность.

Р.М. ХОДЫКИН
аспирант кафедры
международного частного
и гражданского права МГИМО(У)

Абуш
– М.: НОИ

Буян
печеня:

Гаври
правах: С

Дем.
– 184 с. (Е

Дмит.
ние, 2002.

Емел
М.: Щит-М

Жере
– 224 с. – (

Загай
НОРМА, 2

Защи
практ. изд

нит. орган

Защи
праве: Пр

2002. – 16

Козл
от Макиг
– (Учебни

Ком
третьей (

– 112 с. 3

Ком
и постате

Коре
Юрид. це
процесса

Ком
/ Под ред
2001. – 9